

Имена в литературе

Магнитка хранит в своём сердце поэтов, чей талант она огранила, и радуется их успехам, как бы далеко они ни уехали от уральских берегов. В их числе – Анастасия Эйвазова и Ренарт Фасхутдинов, ныне – жители Северной столицы. И сегодня есть прекрасный повод поздравить их и опубликовать их новые стихи.

Подведены итоги престижной международной литературной премии «Перископ-2022». В адрес оргкомитета премии поступило 216 заявок от авторов из России, Республики Беларусь, Латвии, Индии, Узбекистана, Канады и Казахстана. В состав жюри вошли известные литераторы из России, Беларуси, Израиля, Таджикистана, так что суждение было объективным, насколько это возможно. Тем удивительнее – а может быть, напротив, закономернее – результат. Ренарт Фасхутдинов получил Гран-при уже второй раз подряд! Такое редко случается в поэтических конкурсах, не правда ли. Главная награда – издание и продвижение издательством «Перископ-Волга» авторского сборника победителя. Значит, следует ждать новой книги Ренарта. Высоко оценили и поэзию Анастасии Эйвазовой – она стала призёром в номинации «Гражданские и пейзажные стихотворения».

Анастасию и Ренарта связывает общая судьба – личная и творческая. Ещё несколько лет назад они жили в Магнитогорске, сейчас эта пара – петербуржцы. Ими создан уникальный проект – морской поэтический дуэт...

Но обо всём по порядку.

Одно море на двоих

Стихи Ренарта Фасхутдинова и Анастасии Эйвазовой отмечены на международном уровне

Анастасия Эйвазова, Ренарт Фасхутдинов на Летних книжных аллеях в Санкт-Петербурге

Ренарт Фасхутдинов – автор поэтических книг «Пасынок ночи» (12+), «За пределами старинной вашей карты...» (12+) и «Дудочка Крысолова» (12+). Член Союза российских писателей. Участник творческого объединения Dark Romantic Club.

Окончил филологический факультет Магнитогорского государственного университета. Работал главным редактором газеты «МаГУ – Мой Университет» в Магнитогорске и выпускающим редактором журнала о корабле-

строении и судоходстве «Корабел.ру» в Санкт-Петербурге.

Лауреат литературного конкурса имени К. М. Нефедьева (2003).

Стихи Ренарта Фасхутдинова в социальной сети «ВКонтакте» – в группе «Дудочка Крысолова» – vk.com/dudochka_krysolova.

Анастасия Эйвазова – 3D-поэт. Автор книги «Чтение с фонариком» (12+). Член Союза российских писателей. Участница творческого объединения Dark Romantic Club.

Окончила факультет изобразительного искусства и дизайна Магнитогорского государственного университета. Работала художественным редактором и техническим редактором отдела вёрстки в печатных СМИ. В настоящее время продолжает заниматься графическим дизайном и версткой – в формате удалённой работы и фриланса.

Каждый в этой красивой, яркой, талантливой паре – самобытный поэт, отмеченный наградами авторитетных конкурсов, у каждого – собственный почерк

Однако внимательный читатель заметит и перекличку мыслей и образов в их стихах. Благодаря ей появился творческий тандем Анастасии и Ренарта – первый и на сегодня единственный в России морской поэтический дуэт **MARE NOSTRUM**, активно участвующий в культурной жизни Санкт-Петербурга и известный далеко за его пределами. Каждое выступление дуэта – это мини-спектакль с костюмами, реквизитом и музыкальным сопровождением. У **MARE NOSTRUM** также есть группа в соцсети «ВКонтакте» – vk.com/duetmarenostrum.

Сегодня «ММ» публикует стихи, которые принесли чете поэтов награды международной литературной премии «Перископ».

✍ Елена Лещинская

Поэзия

✍ Ренарт Фасхутдинов

Венера-13

Здесь чертовски красиво.

Здесь закаты отравлены

Жёлтым маревом диких бурь.

Я веду с этим миром затаянную,

неравную,

Изнурительную борьбу.

Все барометры сдохли, светофильтры

изъедены,

Передатчик опять зачах.

Ни о чём не жалея, я держусь

до последнего –

Полминуты идут за час.

Здесь враждебная почва –

до мельчайшего атома,

Здесь бушует кислотный шторм.

С этой страшной планеты,

восхитительной, адовой,

Мне не вырваться ни за что.

Но хотя ни шурупа от меня

не останется,

С общим хором я не сольюсь.

Я «Венера-13», я советская станция,

Ты ведь слышишь меня, Союз?

Разлетевшись на части мириадами

беженцев,

Угольками в густой золе,

Ты ведь держишься тоже на жестокой,

на бешеной,

На прекрасной своей Земле?

Ницшеанское

Такой уж выдался нам сезон –
Не самый худший, сказать по чести,
Хотя из сотни грозящих зол
На нашу долю досталось двести.

Любое лихо из дальних стран,
О нас откуда-то там прослышав,
Хватало клетчатый чемодан
И заселялось под нашу крышу.

Пространство, радовавшее глаз,
Многозначительно усмехалось,

Купив билеты на мастер-класс
По превращению в полный хаос,

В шалая-валяя и в шурум-бурум...
Зато отныне мы знаем твёрдо,
Что даже самый кривой шуруп
Возьмёт какая-нибудь отвёртка.

Бредя меж полымем и огнём,
Мы, Дон Кихоты и Дульсины,
И впрямь станем с каждым днём
Ещё сильнее...

Время для чердака

И однажды настанет время для чердака,
Деревянных балок, упрятанных

в тёплый сумрак,

Облупившихся сундуков и пузатых сумок,
Запасной канистры, дырявого черпака,

Для совка художого (а рядом таится
веник),

Для свечных огарков, для мятых
атласных лент,

Для всего, что тлеет и прееет
под спудом лет,

В ожидании осторожных прикосновений.

Для кассеты, ещё надетой на карандаш,
Стёртых ластиков, алюминиевых

тарелок,

Для транзисторов и просроченных
батареек,

Для вещей, которых не купишь
и не продашь,

Для героя, забытого в самом начале
книги,

Для поэмы, что ты когда-то недоучил,
Для иног мира, который ушёл в утиль,
Но пока что не переплавился в медь
и никель.

Для соседок, перетирающих, что да как,
Для отцовских фраз, записанных
на подкорку.

Для твоих стихов, которым судьба –
прогоркнуть,

Если ты сейчас их не вытащишь
с чердака...

Лирика

✍ Анастасия Эйвазова

Бегущая по асфальту

Я забываю о нём почти что в людских потоках и суе...
На самокате летит мальчишка... Обед готовится на плите: закинуть мясо, потом картофель, обжарить перец и лук-порей. Не остановит и Мефистофель, мне тоже надо – быстрее, быстрее решить проблемы из адских списков во избежание метастаз. Ведь замер вечер на старте низком, а значит, лучше нажать на газ, точнее, просто надеть кроссовки (мне будет легче без каблучков) и, взяв, что нужно, нырнуть в массовку, чей хор привычен и бесполок: «Скорей бегите скупайте гречку, ведь сахар снова подорожал...», «Зачем нам танки?..», «Держите свечку...», «Рожайте срочно, кто не рожал!..», «Всех несогласных убрать из чата...», «Есть кот и кошка, но нет котят...», «А на канале идут «Девчата», их тоже где-нибудь запретят, хоть раньше было – не то что нонче...»

А мне вдруг чудятся паруса, а я вдруг слышу его всё громче, оно такое – не описать... Как будто шаг – и взлетят ошметки: рванёт под городом динамит... Но я стою, и стоят высотки.

И море снова во мне шумит...

Здесь можно долго сидеть и слушать,
Как неопиты хрустят полкорном.
Смотреть и видеть, как чьи-то души
Взлетают медленно и покорно,
Как их дроблёные оболочки
Совсем без веской на то причины
Вдруг собираются по кусочкам, –
И боль становится излечимой.

Снаружи – небо, на небе – поле.
Внутри – свобода, а глубже – чудо.
Всё больше света, всё меньше боли.
Закат не гаснет, и он повсюду.
И свет струится, горит подкожно,
На мозг не дают многоэтажки.
Смешные люди – здесь всё возможно –
Бегут по небу и рвут ромашки...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

***

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Здесь можно долго сидеть и слушать,
Как неопиты хрустят полкорном.
Смотреть и видеть, как чьи-то души
Взлетают медленно и покорно,
Как их дроблёные оболочки
Совсем без веской на то причины
Вдруг собираются по кусочкам, –
И боль становится излечимой.

Снаружи – небо, на небе – поле.
Внутри – свобода, а глубже – чудо.
Всё больше света, всё меньше боли.
Закат не гаснет, и он повсюду.
И свет струится, горит подкожно,
На мозг не дают многоэтажки.
Смешные люди – здесь всё возможно –
Бегут по небу и рвут ромашки...

Встречай меня, море! Я только что с неба.
Мои чемоданы полны сувениров. Там голая правда, бессонная небыль и детская тайна со вкусом пломбира. Там запах печенья и боль от занозы, туман сладковатый над свежим какао и дружба навеки... Вот только, серьёзно, того, что осталось, – так мало, так мало. Лишь два чемодана, две запертых бездны. Всё собрано в кучу, спрессовано крышкой...

Того, что осталось, так мало. Но честно, того, что случилось, – хватило с излишком. Я – маленький прочерк, дитя девяностых. Листок, что был вырван судьбой из контекста: бесшумный, бескрылый, бесцветный, бескостный. Без права на счастье, без права на бегство. Не жить полноценно, а быть постояльцем: привыкнуть нельзя, а что делать – не знаешь. Берёшь себя в руки, в холодные пальцы – и долго сжимаешь, сгибаешь, сминаешь...

Но хватит о грустном. Что было, то было. Когда на песке разложу я вещицы, ты сможешь их пеной, как пеной от мыла, поскольку не это должно сохраниться: не груз ожиданий – массивных и важных, а в собственной сути большие изломы.

Я – твой невесомый корабль бумажный.
Встречай меня, море! Я дома!

Я дома.